

Т.Б. Банкова

Томский государственный университет

Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты профанного и сакрального в тексте сибирской свадьбы. Обосновывается различие терминов «текста обряда» и «обрядовый текст», что позволяет выделить в качестве объекта собственно лингвокультурологическое содержание обряда и отграничить от него объекты внимания этнолингвистики, этнологии и семиотики. Устанавливается, что обрядовый текст свадьбы, повествовательный по своему происхождению, является выражением коллективного онтологического мирообраза, сохраненного как в бессознательном, так и практически прожитом отдельными его носителями варианте. Распределение языкового корпуса обрядового текста по специфике вхождения в процесс превращения профанного мира в сакральный позволяет предложить механизм декодирования архетипических культурных смыслов обрядовых слов.

Ключевые слова: сибирская свадьба, обрядовый текст, обрядовое слово, профанное, сакральное, архетип.

В традиционной народной культуре семейный обряд выполняет медиумную функцию и является одним из основных средств связи сельского коллектива с миром: он выстраивает, упорядочивает, контролирует, регламентирует этико-эстетический облик сельской общины. Крестьянский народный обряд – форма системности, доступная сознанию всех членов данного сообщества, своеобразная программа деятельности, неукоснительное соблюдение которой наполняет частную жизнь селянина общим для социума смыслом, придает особую по содержанию значимость миру и человеческому существованию. Обряд не есть нечто давно отжившее, это необходимая неизбывная категория крестьянского сознания и бытия, а «обрядовая жизнь» коллектива – это структурированная особым образом парадигма культурного поведения.

Структурируют обряд единицы различных кодовых систем. Так, например, Н.И. Толстой, считая обряд текстом, выраженным семиотическим языком культуры, выделяет «в нем три формы, три кода или три стороны языка – вербальную (словесную – слова), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную – действия)» [Толстой, 1995, с. 23]. В обряде, по мнению Н.И. Толстого, «слова», реализующие этот код, – это единицы единого семиотического языка, некоего общего семиотического обрядового кода, подчас не имеющего вербального выражения. Этой же точки зрения придерживается О.А. Седакова, представляя обряд как невербальный текст особого типа [Седакова, 2004, с. 29].

Для того чтобы разграничить вербальную и невербальную сущность обряда, необходимо отличать понятия «текст обряда» и «обрядовый текст». «Текст обряда» – явление многоуровневое. Это и совокупность знаков, кодов, которые в последовательном перечислении репрезентируют сам обряд (семиотический подход). Это и совокупность устойчивых вербальных и невербальных текстов, выстроенных в чередовании, в последовательности (этнолингвистический подход).

Вопрос о статусе обрядового текста (не как вербального сопровождения обрядовых актов) практически не ставился до сих пор. Его специфика связана, прежде всего, с устной природой бытования, т.е. с существованием только в народной памяти. Современная наука признает за «устным текстом статус текста» [Чистов, 1983, с. 144], он равноправен «организованному» письменному, так как обладает информативностью, цельностью и законченностью.

Обрядовый текст (ОТ) – факт вербализации народного сознания, и информация об обрядах является частью «живой» коммуникации диалектоносителей. Этим объясняется идеологическая необходимость отмены пометы (устар.) в диалектных словарях, репрезентирующих ОТ: обрядовая лексика по своей природе не может быть устаревшей. Данный пласт лексики (обрядовые слова – ОС) находится в постоянно востребованном состоянии, так как необходимость воспроизведения идеальной модели мира перманентна в круговороте крестьянской общинной жизни. Эта лексика является практически генетическим инструментом: а) обнаружения и утверждения родового человека в природно-социальном мире (самоидентификации); б) установления регламентированных народной культурой отношений с этим миром; в) преодоления вечного нравственного конфликта поколений через естественное включение человека в обрядовую парадигму общины с самого его рождения; г) долженствования человека в функциях консерватора и транслятора родовой памяти как залога витальности этноса.

Под ОТ понимается знаковая сущность, рассмотренная с позиций лингвокультурологии, т.е. ОТ – вербально-самодостаточный феномен, выстраивающий один из ключевых необыденных моментов личной биографии традиционного члена крестьянской общины, соотнесенный с практикой целого коллектива.

Эта универсальность личного опыта закрепляется в высказываниях типа *«раньше свадьбы справляли, гуляли», «раньше-то свадьбы на масленну гуляли», «а у нас в деревне...», «меня шесть женихов сватали...».*

ОТ опирается на собственные словесные средства, главным из которых является лексема, наделенная культурной коннотацией.

ОТ имеет внешние устойчивые показатели.

1. Повторяется в узловых моментах почти дословно представителями достаточно большой территории Томской и смежной ей Кемеровской областей.

2. ОТ клиширует устойчиво повторяющаяся «терминология обряда», т.е. те ключевые слова, которые обозначают этапы обряда (**рукобитие, сватовство, венчание, девичник, свадебный стол** и др.), его участников (**бояре, тысяцкий, дружка, сватья** и др.), а также ритуальную пищу, одежду и пр.

3. Характеризуется тем, что в высказывании, актуализирующем обряд, всегда акцентируется необходимость процедурности. Даже если смысл и цель этих процедур утрачены данным членом крестьянского сообщества, он сохранен в бессознательной форме как целевой: похороны и поминки – облегчить путь покойника в иное бытие; свадьба – создание на условиях договора крестьянским миром новой семьи и прогнозирование ей счастливой, богатой жизни, сохранения этой семьи для деревни.

4. Членится, сопровождается комментариями (вербальными – невербальными и наоборот), информант показывает венчальное платье, форму, в которой пекли свадебные пироги и т.д., таким способом устанавливает объем коммуникации, прекрасно понимая, что у представителей инокультуры, коими являются собиратели языкового материала, за словом закреплены совершенно другие представления (*Курники...ну курники это мы сами делали. Курник – это знаете, какой курник – он испечён из мяса. Счас покажу вот даже форму. Вот как курники. Вот в такой форме* (показывает круглую, как для кекса, форму) (*Зыр.*), имеет типы «речения»: описание (рассмотрение, оценивание, акцентирование, характеристики и т.п.) и повествование (о процессах, действиях, в которые вовлечены участники обряда). Следует отметить отсутствие в ОТ рассуждения, так как в обряде «рабо-

тает» в первую очередь коллективное бессознательное: «так положено» снимает вопрос «зачем».

Таким образом, ОТ – нарративный по форме – это народное словесное произведение, выстроенное по определенным законам, являющим собой упорядоченную, регламентированную сущность, специфика которой заключена в последовательном его разворачивании посредством введения обрядовых слов (ОС) (подробнее об этом см.: [Банкова, 1998, с. 22–34]), которые являются текстопорождающими.

В таких текстах очень важны слова-определители следования одного эпизода за другим: *Невесту здесь не выкупали. Сосватают придут, если просватают, свадьбу гуляли. Сначала назначали её, свадьбу-ту. От жениха должен быть дружка, а от невесты – сваха. Девичник – завтра свадьба. Созывали подруг. Гармошка была. Придано готовилось: подрастёт девка, покупают ей сундук. Таки шубы, пальто, жакеты кладут. Яшишук покупали, кисьюмой [тесьюмой] убрал, хоть кисьюма однотонная, шёлковая, блестящая. На следующее утро – свадьба. Девка готовится, а жених приезжает. Дивно подвод: сначала дружка, потом жених со свахой, с тысяцким. Дружка всей свадьбой руководил. А тысяцкий, не знаю что делал. Бояре были – это почётные гости. Потом невеста печёт пирог, а жених идет с водкой, подаёт. А кто-нибудь идёт за ними с подносом. На него подарки кладут; Назавтра стряпка несёт пирог. И ей уже ложут на него. О-о! Свадьба по целым неделям была. По всем дворам ходют. Редко какой напьётся. За столы не садились. Всё подают на этот стол. Человек подошёл, выпил, закусил и опять отошёл. Раньше венчальное, чайное и визитное платье обязательно были. В чайном невеста гостей чаем поила. А в визитном вечером была. А жених всё в одном. У нас своя церковь была, а поп жил в Нарыме. Если его тут не было, в Нарым ездили венчаться (Пар.).* (В приведенном ОТ подчеркнуты определители следования эпизодов, выделены жирно обрядовые слова – ОС).

ОС «ведут» воспоминания и являются вехами, опорами памяти о деталях, субъективных переживаниях повествователя. За обрядовыми лексическими единицами закрепляются целостные представления об идеальном, и, с одной стороны, в совокупности (во всем тексте), с другой – в архитектонике (строй обряда) они конструируют магический смысл представляемого обряда. Магический смысл и есть выражение того бытийного уровня, который сформировался в результате преодоления границ бытового, закрепленного в профанных по своей природе предметах, процессах и их наименованиях (платок (завязать молодуху платком), плашка (ходить по плашке), лавка (перепрыгивать через лавку), коса (заплетать/расплетать косу/косы) и т.п.). Следовательно, бытийный уровень освоения идеальной модели формируется не собственно через нарратив, а через обрядовые слова как исходный материал для сакрализации. ОС имманентны глубинные представления об уровнях мироустройства, вплоть до архетипических. Эти лексические единицы сакрализуют мир на разных уровнях: архетипическом (исконном), символическом (нематериальном), регламентирующем (процедурном).

Под символическим уровнем сакрализации мира следует понимать результат перевода предметного мира в духовно-этическую его ипостась. Не все предметы материального мира обладают этим свойством. Народным сознанием определен оптимальный реестр объектов вещного мира, и лексические единицы, номинирующие их корпус, наделяются доминантным символическим значением. Например, (невестин) сундук уже не столько ящик, сделанный из деревянных досок для хранения вещей, сколько вместительное приданое, закрытое для посторонних глаз, показатель состоятельности невесты. Именно сундук (обрядовое (символическое) значение слова – приданое невесты) торжественно везут в дом жениха специальные люди – приданщики. Отсюда выражения «сундук готовить», «богатый сун-

дук», «с каким сундуком пойдешь замуж» (Тебе, Саша, в девках недолго сидеть, тебе сундук надоть готовить, жениха искать (Том.).

В современной науке понятие о профанном и сакральном связывают с теорией М. Элиаде [Элиаде, 1994; 1999], причем сакральное – ключевая категория философии ученого – используется в качестве онтологического термина. Сакральное у М. Элиаде относится к онтологически объективной реальности и толкуется как упорядоченный мир (космос), который противостоит хаосу: сакральное подводится под понятие «жизнь». С именем М. Элиаде прочно ассоциируется и такое понятие, как иерофания (введено ученым для обозначения акта обнаружения святого в чувственно доступной форме), которая провозглашает уникальность положения человека, открывшего в акте иерофании абсолютную реальность. Таким образом, как утверждает культуролог, из небытия возникает бытие, из хаоса – космос, и иерофания становится онтофанией. Предметы, обнаруживающие инобытие, становятся сакральными, и человек перестраивает свое существование, выделяя из мирского (обыденного) существования сакральный образ жизни. Ориентация на встречу с сакральным и стремление интерпретировать экзистенциально значимое как иерофанию не исчезает в связи с деформацией традиционного (архаического) сознания. По мнению ученого, современный человек под влиянием заложенных в нем бессознательных образцов сакрального создает скрытый мир, который существует рядом с профанными областями жизни и является частью современной цивилизации [Элиаде, 1994].

Универсальность бытия архаического человека проявляется в процессе перевоплощения обыденной (бытовой) вещи в сакральный предмет, а манипуляции с предметом – в сакральные действия (в иерофанию, по М. Элиаде: «иерофанией может становиться *все, что угодно*, и ... не найдется, пожалуй, такого предмета, существа, растения и т.д., которые бы в определенный момент истории и в определенной точке пространства не обретали бы сакральную ценность» [Элиаде, 1999, с. 80]). Эту мысль подтверждает анализируемый лексикон сибирских семейных обрядов. Так, например, особой магической силой всегда наделялись многие предметы утвари крестьянского жилища, их появление в установленном порядке призвано проявить и усилить эту магию (квашня, ковш, самовар, стакан, чашка, сундук и др.). Интересна в этом контексте подача материала в энциклопедии «Русская изба». Словарные статьи работы, представляющие предметы, «населяющие» крестьянский дом, кроме сведений о моменте появления их в быту, сопровождаются «историями», рассказывающими об обрядовой «жизни» обиходных вещей [Домашняя и хозяйственная утварь, 1999].

Диалектика проявления профанного и сакрального заключается в особом отборе, выделении и, наконец, различении предметов в ряду других. Крестьянская мысль, не разграничивающая бытового и бытийного, четко отделяет предмет, имеющий «повышенную сакральность» (термин М. Элиаде), превращая его в онтофакт. Такие предметы открывают человеку сосуществование двух противоположных сущностей: профанного и сакрального, материи и духа, не-вечного и вечного [Элиаде, 1999, с. 79].

Практика для индивида, прошедшего через обряд, уже не имеет магического смысла, но интерпретация собственной жизни через обрядовые культурные коды, объективированные языком, – это уже интерпретация сакрального. В рассказах-воспоминаниях, актуализирующих обряд, неизменно присутствуют лексические единицы, его репрезентирующие. Таким образом, ОС является фактом мирозерцания, а обрядовый лексикон в своей совокупности выстраивает идеальную, «заговоренную» модель человеческого бытия.

Обрядовый лексикон, содержащий в структуре значения его составляющих сакральный компонент, возможно разделить на следующие группы: 1) собственно сакральные лексические единицы; 2) потенциально сакральные; 3) ситуативно сакральные.

Собственно сакральными (сакральный [лат. *sacer (sacri)*] – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу; обрядовый) являются лексемы, традиционно относимые к терминологии обряда. Такие единицы имеют в среднеобских областных словарях помету «устаревшее» (список условных сокращений Среднеобских диалектных словарей см. в конце статьи). **БОЯРЩИК**, а, м. Устар. Участник свадебного обряда. – Все бояры невесту дарят деньгами... Приданичик, боярщик (Том.); **БОЯРЫШНИК**, а, м. Устар. Гость, участник свадебного обряда. – А на свадьбе – то шофер был. Шофер – это вот ездили свадьбу когда. Ешио малый боярышник был и большой боярышник. Я уж не помню, что они делали то на свадьбе (Пар.) [СС, т. 1, с. 30]; **БАБИТЬ, БАБНИЧАТЬ, БАБСТВОВАТЬ**. Устар. Принимать роды, быть повивальной бабкой. – Бабила. Она родила, за ней надо ходить, печь топить. У меня золовушка пошла бабить в девятнадцать лет: в баню поведёт, поправит всё... Кто ходит за роженицами – баба, бабит; До Советской власти роды принимала баушка, баушка бабничат; Бабствовали. Хороши бабушки были [ПССГ, т. 1, с. 32]; **ТЫСЯЦКИЙ**, ого, м. Устар. Главный распорядитель в старинном русском свадебном обряде. – Дружка, боярин этот... тысяцкой был, свахи. Тысяцкой с женихом рядом как старший; Собирают тысяцкий, это хрёстный жениха, дружка руководит свахой; Тысяцкий – какая-нибудь родня, брат либо чё-нибудь; И вот едут тысяцкой, дружка, подружье тама – ка. Тысяцкий, ну хрёстный этот, его, женихов, хрёстный, ну богатый он – тысяцкий-то, хрёстный много дарит [ВС, т. 7, с. 100].

Собственно сакральные лексические единицы в ОТ обозначают следующее:

1) обрядовые акты: **браньё** (Невеста у отца живёт, потом браньё, жених берёт невесту, у ней тётка, сваха, едут с ней на браньё, чай пьют, жених берёт с собою кого-нибудь. Отец и мать его ждут, после бранья едут в церковь, а там едут к родителям и песни пели (Колп.); **девичник** (Да, девичник был. Собирается вечер, всё увидишь – свадьбишна молодёжь, девушки, ребята. Свои, родные (Мол.); **запой** (Меня сосватали, запой сделали. Всю родню собирают. Уй, гулянки сколько! (Колп.); **отпущенье** (Стол в отпущенье. Жених с невестой сидят рука в руку и не кормят их к венцу (Том.); **рукобитье** (Рукобитье – это когда приехали свататься родители, когда высватают, приходит жених, делают рукобитье, полотенцем им руки накрывают (Том.) и др.;

2) их исполнителей: (к ним относятся названия свадебных чинов): **дружка (дружко)** (Приедут брат, такой человек – дружко, как поговариват – заслушатся), **младший боярин, старший боярин** (Встают из-за стола, сперва младший боярин, потом старший боярин, они богатеьки, родня (В.-Кет.); **тысяцкий** (Раньше назывался друг главный жениха, был тысяцкий, а теперь – не знаю. А еще подтысяцкие были, бояра там всякие, сватья, провожатки всякие там разные (Пар.) и др.; а также участников обряда: **сваха, крестный, провожатка, приданичик** (На невесту одеваются уваль хороша. Был дружка и его помощник тысяцкий. Свахи с мужниной стороны. Бояры. Знакомство. Дальне родство, за чужими, за чужими. Приданичик едет с приданым. Раньше говорили: «Свадьба бежит») (Молч.); **постельник** (Дружка едет передом, свадебный поезд за ним идёт, постельник везёт приданое (Кем. Лен.-Куз.) и др.;

3) обрядовые кушанья: **курник** (К свадьбе готовились, курники стряпали – с мясом пироги. Он такой хороший, жирный, с салом бывает (Зыр.); **хлеб-соль** (Нас мама с отцом встречали. Этот хлеб с солью, и именно чё-то, ешио чё на тарелке стоит? Полотенце, на полотенце хлеб, а на хлебе – соль, солонка (Пар.) и др.;

4) предметы одежды и имущества: **уваль** (А это на голову, раньше звали уваль, а потом это венцы такие, из воска деланы, белые, красивые такие, как венчик надевали ей, это как это, венчатся, а потом в церкву везут их (Пар.); **приданое** (В Мохинский был магазин. Купила на платье. Надо придано завести: наволочку такую, постельку, исподняя холицова, сверху тикова наволочка. Придано две подушки и постеля, полотенцы двенадцать было (В.-Кет.). Значение

собственно сакральных ОС устойчиво (неконтекстуально), такие лексические единицы не имеют общерусских однословных синонимов.

Потенциально сакральные – лексические единицы, становящиеся сакральными только в контексте обряда, их обрядовое значение контекстуально обусловлено. Именно в значениях слов, объединенных в названную группу, можно наблюдать движение от профанного к сакральному. Семантика потенциально сакральных единиц фиксирует специфику народного сознания, которое, не видя разницы между вещью и словом, извлекает из достаточно ограниченного пространства собственного дома предметы, способные воплотить идею идеальной жизни. В этот круг вовлекаются и части дома, и предметы убранства жилища, и хозяйственная утварь, и предметы обихода, словом, все то, что составляет обыденную, бытовую жизнь крестьянина. Архаическое сознание видит за предметом и словом, его поименовывающим, другие миры, глубина и объем которых не подвластны современному сознанию. Механизм сакрализации заключен в стремлении придать онтологический статус предметам и действиям окружающего мира, а слово, наделенное в результате действия этого механизма сакральным значением, становится онтофактом. Сакральными, как утверждал М. Элиаде [Элиаде, 1999], могут стать какие угодно единицы. Сибирский диалектный материал дает богатейшую базу, демонстрирующую итог изменения семантики слов в акте сакрализации. Например, ритуальными становятся наименования напитков, таких как водка [Банкова, 2004, с. 199–202], пиво, чай, а в их значении реализуется сакральный коннотативный компонент. Так, чай, появившийся на столе сибирского крестьянства уже в XVII в. (в Европейской части он медленно входил в обиход) [Липинская, 2003, с. 367], стал свадебным ритуальным напитком, подававшимся во время рукобития, утром до выкупа косы и венчания, а затем наутро после свадебного пира: *Вот мы приехали, на стол ладят чай, раз она за него желат пойти, значит уж принимают вино, значит уж в согласии, родители ставят самовар (Кем. Юрг.); Спрашивают невесту: желает пойти? Желает – ставят самовар, чаем угощают, выпьют по рюмочке (Том.)*. Таким образом, потенциально сакральная лексическая единица имеет корни в материальной жизни, где закрепляется словом; попадая в пространство свадьбы, она утрачивает собственно материально-бытовое значение и назначение, как бы развоплощается и становится символом. Обретенная таким способом символика и есть обрядовое значение данной лексической единицы в конкретном эпизоде обряда. Это доказывает, что коннотативный сакральный компонент значения в данном контексте становится ведущим, оттесняя на периферию денотативный. Так, Д.Б. Гудков, размышляя о структуре значения двусторонних прецедентных имен, утверждает, что подобные единицы нельзя рассматривать как полисемичные в «классическом» их понимании. По его мнению, между их коннотативными компонентами складываются иные отношения: при любом употреблении оба значения представлены одновременно [Гудков, 2003, с. 175]. Реализуя свой сакральный компонент через символ, потенциально сакральное слово начинает определять целый массив понятий, производных от него. Например, для церемонии угощения чаем на следующий день после венчания предназначалось специальное **чайное платье**: *Раньше венчальное, чайное и визитное платье обязательно было. В чайном невеста гостей чаем пошла, а визитном вечером была. А жених всё в одном (Пар.)*. Не утратив свой денотативный компонент – ароматный горячий напиток, настоянный на листьях чайного дерева – лексема *чай* в эпизоде рукобития символизирует согласие невесты на брак и начало свадебных церемоний. Следует отметить, что горячий чай, популярный напиток в Сибири, полностью исключался из поминальной трапезы [Домашняя и хозяйственная утварь, 1999, с. 350]: *А чай у нас на поминках не пили, компот, кисель, нет, чай не подавали (Пар.)*. Приготовление пива, другого популярного напитка в крестьянской среде, имело ярко выраженный сакральный характер. «Пиво варились в тех случаях, когда актуализировались связи со сферой чужого, с иным

миром, оно выполняло здесь посредническую функцию» [Там же, с. 169]. Использовалось пиво и при переходе в новый дом, на поминках, крестинах, но в сибирской традиции оно было сугубо свадебным напитком: *Свадьбы красиво справляли. Пиво варили и хмелем заквашивали – запашистый такой* [ВС, т. 6, с. 99]; *Подготавливают пива, бедно жили, водки-то мало брали, денег-то не было* (Асин.). Изготовление пива сигнализировало о подготовке семьи к свадьбе, что напрямую выражает фольклорная песня Томской области: *«Расплакалась красна девица, да Красна девица Настасьюшка. – Дорогая моя мамонька, да Для кого вы пиво варите? Для кого вы пиво варите, да То ли сына женить хотите? То ли сына нынче жените, да То ли сноху в дом принимаете?»* [Пархоменко, 1985, с. 29]. Итак, потенциально сакральные единицы, называющие напитки, порождают устойчивые выражения, которые можно отнести к терминологии обряда.

Это же движение от профанного к сакральному можно наблюдать и в группе имен, обозначающих вещный мир крестьянского дома. Сибирская крестьянская изба, наполненная ограниченным количеством вещей, по праву демонстрирует идею универсализма в традиционной культуре. Приобретение хозяйственной утвари носило в сельской среде чисто практический характер, но важные вехи человеческой жизни знаменуются превращением утилитарной вещи в вещь символическую. Если в быту, в обыденной жизни, преобладает вещьпользование, то в обряде идет вещьтворение, т.е. обыденные предметы переходят в область духовную, идеальную. Здесь и реализуется уровень семантики вещи, который В.Н. Топоров назвал «веществование» [Топоров, 1995]. Обряд «как бы высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Отсюда и двойственность всех явлений, способность быть чем-то одним в быту и совершенно другим в ритуале, та двойственность, которая обеспечивает удивительное переключение с уровня ежедневной жизни, забот и рутины на уровень актуальных ценностей» [Байбурин, 1993, с. 17]. Предметный мир, причастный к обряду, в определенный момент проясняет совершенно иной компонент своей семантики, что отражается на значении слова, его называющего. Так, например, **иголка** – «тонкий металлический стержень, предназначенный для шитья», – в свадебном обряде символизирует трудолюбие и усердие невесты, а также эти же качества подруг, помогавших ей готовить приданое: иголки показывают (*показывать иголки*), их покупают (*покупать иголки*): *А девки соберутся, шьются, наломают иголок и в блюдечко складут. Говорят: иголки куплены, платите, покупайте иголки* (Кем. Яйск.); *Ну тут невеста выходит, иголки показывает, какая она трудолюбивая, аккуратная* (Пар.). Еще пример: **ящик** – «вместилище четырехугольной формы обычно из досок для укладывания, хранения чего-л., сундук» – неременный атрибут приданого невесты, который символизирует степень зажиточности семьи: *Пришли сватать, а я говорю: «Мне бы калым надоть. Яшишик купить, махры – то куда складывать, к венцу на платье надо купить». Ничё ж не было. Вот так жили, только небо коптели. Они согласились* (Шег.); *Яшишик принесут, а в нём – приданое. Начинают заправлять койку* [ВС, т. 7, с. 360]. Следовательно, истолковать обрядовую единицу ИГОЛКА ♦ПОКАЗЫВАТЬ (СЛОМАННЫЕ) ИГОЛКИ возможно следующим образом: Этап обряда, знаменующий собой завершение Девичника, и своеобразный отчет невесты перед женихом накануне венчания как доказательство ее трудолюбия, усидчивости в подготовке приданого, а также готовности выполнять женскую работу в семье мужа. По аналогии толкуется словарная единица ИГОЛКА ♦ПРОДАВАТЬ (СЛОМАННЫЕ) ИГОЛКИ: Требовать у жениха плату за помощь в подготовке приданого: *А девки те иголки так не отдадут, продают их. Жених им ложит деньги или каки-то подарки* (Зыр.).

«Сакральность хлеба определила и особый статус утвари, связанной с приготовлением хлеба. Сито, квашня, хлебная лопата и другие предметы требуют к себе особого отношения» [Байбурин, Фрадкин, 1996, с. 277]. Так, слово **квашня**

(«деревянная кадочка или другая посуда для заквашивания теста») породило название сибирского ритуала **садить на квашонку**, значение которого находится в ряду других ритуалов (окручивание, надевание платка, завязывание его **побабичи** и пр.), связанных с «превращением» невесты в молодуху, а также как приобщение невесты к хозяйству. **КВАШОНКА ♦САДИТЬ (НЕВЕСТУ) НА КВАШОНКУ**: Ритуал приобщения невесты к хозяйству. – *А когда выкупят, невеста вылезит из-за стола к жениху. Жених садится за стол. Тогда долго гуляют и только потом едут к жениху. Там долго гуляют. А потом уже содют невесту на квашонку, снимают венок и заплетают две коски. А невеста плачет (Шег.)*. К региональным среднеобским следует отнести ритуал **выкупать шубника**, в основе поименования которого лежит представление о мехе как символе богатства. Этот символ актуализируется и в эпизоде рукоблтия, и во время продажи косы, и в момент встречи молодых родителями, когда молодых сажают на шубу в знак пожелания им богатства: *Отец невесты и жениха одевали шубы, вставали друг против друга и били по рукам с приговором: «Жить да богатеть, друг друга любить» (Колп.); Брат невесты – шуба вывернута, сидит, шубой торгует, выкупает шубника (Шег.)*.

К потенциально сакральным ОС относятся названия частей дома, выполняющих функцию границы (**ворота, окна, двери, матка** и т.д.; они порождают устойчивые выражения, обозначающие различные этапы обряда: **стучать в двери, заламывать ворота, садиться под матку** и др.): *Поддружье был, дружке помогал. Свадебный поезд едет, перед ним ворота заламывают, выкуп просят. Самогонки там или водки (Том.); Поезд приедет за невестой, они и заламывают ворота, ставят палки, чтобы им поставили вина, когда выставят водку, тогда откладывают ворота (Том.)*, а также наименования предметов, символизирующих границу между миром жениха и миром невесты (**верёвка, лавка** и т.д.): *Раньше невеста ходит по лавке, жених внизу стоит, юбку держит. Невеста приговаривает: «Хочу – скачу, хочу – нет» (Пар.); Брагу жених возил. Натянули веревку через дорогу, чтобы [гости жениха] выпить дали. Чтоб подали, что невесту повезли (Пар.); Запирают ворота и не пускают, а они выкупают: надоть пива, денег, а у жениха протягивают веревку (Кем. Лен.-Куз.)*.

Кроме имен, обозначающих вещный мир, к потенциально сакральным относятся глаголы, обозначающие важные ритуальные действия. Например, глагол **ШИТЬ, ШИТЬСЯ** в контексте свадебного обряда наделяется значением «готовить приданое невесты»: *Придут, невесту высватают, пропьют. Потом, после сватовья, девки ходят, шьют, вяжут (Шег.); Раньше невеста себе приданое готовит. Девки к себе на посиденки собирает, девки шьют, вяжут (Кож); Девки у невесты шьются, потом к венцу везут (Кем. Крап.)* и становится мотивирующей единицей существительных **ШИТНИЦА** «подруга невесты, помогающая готовить ей приданое»: *Девки долой из-за стола сразу. Жених дарит их. Берёт тарелочку, на ней подарки шитницам. Которая лучше шила, той получше платок (Том.)* – и **ШИТНИК** «ритуал, посвященный подготовке приданого для невесты»: *Шитник – это когда девки шьют. Невеста сидит, а девки шьют (Кем. Лен.-Куз.)*. Таким образом, кроме устойчивых выражений, потенциально сакральные единицы выстраивают мотивационно связанные пары.

Потенциально сакральный глагол **ПЛАКАТЬ**, обозначающий обязательное ритуальное действие невесты, которая таким образом символически прощается с родным домом, девичьей красотой и свободой: кроме устойчивых словосочетаний, второй член которых наречия, называющие способ действия «приговаривая»: ♦**ПЛАКАТЬ ГОЛОСОМ**: *А потом когда к венцу готовятся уж, тебя оденут, девушки станут, тебе косу расплетут. А мать родна да сестры плачут голосом. Расплетите мне девью косу, девью косу. Плачут, плачут, плачут. Плакали, рыдали раньше, как замуж шли. Особенно когда сирота невеста. Невеста плакала, на улице выйдет, голосит, приговаривает. Отдают ее замуж, она пла-*

чет: «Хорошо тебе, мамонька, ты за папоньку вышла и живёшь, а меня за дяденьку выдают – вдруг он драться будет» (Шег.); ♦ ПЛАКАТЬ С ПРИЧЁТОМ: И невеста наплачется. Горькими, расплетают когда. И горькими плачет с причетом (Том.); вступает в синонимические отношения с глаголами ПРИЧИТАТЬ, ВЫТЬ (ГОЛОСОМ), ГОЛОСИТЬ напрямую обозначающими «исполнять обрядовые песни – плачи по поводу смерти, замужества» [ВС, т. 6, с. 407]: *Потом стали косу расплетать. А я-то причитаю: «Родила ты, моя мамонька...». А я плачу, плачу, да не могу унять плачу. Я опять причеты (Шег.);* а также «плакать в голос, причитать над покойником, умершим» [ВС, т. 1, с. 297]: *Невесте расплетают косу, а она воет голосом. Начинает обычно словами: «Родные мои подруженьки, расплетите мою русую косыньку» (Том.),* что еще раз иллюстрирует прочную семантическую параллель между некоторыми свадебными эпизодами и похоронами.

Ситуативно сакральными являются лексические единицы, принадлежащие нескольким обрядам. Они имеют свою собственную историю, свой сюжет, свою неповторимую жизнь в каждом обряде или ином тексте (фольклорные жанры, ритуальные действия). Попадая в него из обиходного мира, эти лексемы обеспечивают данному тексту необычное содержание, являются средством сакрализации всего, что связывается с ними в сюжете, этапе или фрагменте ОТ. К ним относятся такие единицы, как полотенце [Банкова, Калиткина, 2000, с. 136], веник, печь, пояс и др.

Обоснование различий терминов «текста обряда» и «обрядовый текст» позволяет выделить в качестве объекта собственно лингвокультурологическое содержание обряда и отграничить от него объекты внимания этнолингвистики, этнологии и семиотики. ОТ, повествовательный по своему происхождению, является собой выражение коллективного онтологического мирообраза, сохраненного как в бессознательном, так и практически прожитом отдельными его носителями варианте. Раскодирование, интерпретация его содержания на уровне лексикона позволяют выстроить достаточно стройную классификацию, охватывающую практически весь массив обрядовой лексики. Распределение в процессе реконструкции всего языкового корпуса ОТ по специфике вхождения в процесс превращения профанного мира в сакральный дает некий универсальный механизм декодирования культурных смыслов ОС, обнаруживающих в своей природе ту глубину, которую можно квалифицировать как архетипическую.

Список условных сокращений

СС – Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В.В. Палагиной. Ч. 1–2. Томск, 1983–1986.

ПССГ – Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–4. Томск, 1992–1995.

ВС – Вершининский словарь / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–7. Томск, 1998–2002.

Томская область:

Пар. – Парабельский район

Колп. – Колпашевский район

Мол. – Молчановский район

Том. – Томский район

В-Кет. – Верхнекетский район

Асин. – Асиновский район

Зыр. – Зырянский район

Шег. – Шегарский район

Кож. – Кожевниковский район

Кемеровская область:

Кем. Лен.-Куз. – Кемеровская область, Ленинск-Кузнецкий район

Кем. Юрг. – Кемеровская область, Юргинский район

Кем. Яйск. – Кемеровская область, Яйский район

Кем. Крап. – Кемеровская область, Крапивинский район

Кем. Мар. – Кемеровская область, Мариинский район

Литература

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб., 1993.

Байбурин А.К., Фрадкин В.З. Николай Федорович Сумцов и его работы в области обрядовой символики // Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996.

Банкова Т.Б. О символическом значении слова в «Словаре сибирских обрядов» // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Культурология. Филология». 2004. № 282, июнь.

Банкова Т.Б. Словарь сибирских обрядов: к постановке проблемы (на материале семейных обрядов) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.

Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики: Сб. статей. Томск, 2000.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коннотации. М., 2003.

Домашняя и хозяйственная утварь // Русская изба. Внутреннее пространство избы. Мебель и убранство избы: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 1999.

Липинская В.А. Пища XII – XX века // Русские. М., 2003.

Пархоменко Н.К. Русские народные песни Томской области. М., 1985.

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Чистов В.К. Вариативность и поэтика фольклорного текста // IX Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации. М., 1983.

Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб., 1999. Т. 1.